

Г. А. Аргиропуло

В ПРИФРОНТОВОМ ТЕАТРЕ

Для меня первый день войны оказался не таким, как у других. В 1941 г. я был актером Московского театра для детей. В репертуаре театра тогда шла пьеса Михаила Светлова «Двадцать лет спустя» о комсомольцах 20-х годов. Именно ее и играли на сцене 22 июня. Одно из действующих лиц — молодой обаятельный паренек — комсомолец Вася. Я играл в этом спектакле старика, который сообщает печальную новость: «Я сейчас видел... Там у киоска лежит убитый Вася». Это сообщение вызывает соответствующую реакцию у молодых героев пьесы: девушки плачут, едва сдерживают слезы парни. Так эту сцену мы играли всегда.

22 июня вопреки законам театрального искусства актеры плакали по-настоящему. Вместо персонажа спектакля они представляли молодого человека из реальной жизни. Плакали актеры на сцене, плакал зрительный зал...

Уже несколько часов шла война! Может быть, в тот момент люди вспоминали своих близких, живущих в западных районах нашей страны, или тех, кто сегодня был призван в армию. В тот день искусство уступило место реальной жизни. Так для меня началась война.

Моих сверстников в первые дни войны призвали в армию. И я, обеспокоенный тем, что меня могут «обойти стороной», трижды обращался в военкомат. Однако всякий раз мне говорили: «Не беспокойтесь, вы задерживаетесь до особого распоряжения». Теперь всем ясно, что такое «особое распоряжение». А тогда я никак не думал, что причина в «анкетных данных», — не нравилась моя фамилия (советских граждан тех национальностей, которые имели «свой» государства за границами СССР, в том числе и греков, не зачисляли в действующую армию).

Когда фронт подошел к самой Москве, наш театр эвакуировали в Новосибирскую область. Мы приехали в небольшой шахтерский городок Киселевск, население которого состояло главным образом из «раскулаченных» в центральных районах России. Не будем говорить о тех, кто повинен в трагедии раскулачивания. Хотелось бы лишь подчеркнуть, что люди, понесшие незаслуженную кару, в то жестокое время сумели преодолеть нанесенную им обиду. Они пренебрегали бытовыми трудностями и по мере сил старались помочь фронту, Матери-Родине. В тяжелых условиях шахтерской работы «раскулаченные» выдавали на-гора дополнительные тонны «черного золота». Женщины вязали носки и варежки для солдат, собирали теплые вещи, не жалели ничего.

Не только шахтеры, но и все население трудилось с утроенной энергией. Грузить уголь в вагоны помогали школьники, свободные от работы эвакуированные, в том числе и работники нашего театра. Кроме того, актеры помогали в госпиталях раненым писать письма родным и близким. Некоторые читали вслух газеты и книги. Я, к примеру, трижды прочел сборник рассказов М. Зощенко. В палатах для тяжелораненых актеры давали небольшие концерты.

Молодые сибиряки уходили добровольцами на фронт. Здесь хотелось бы рассказать об одном пареньке, который работал в нашем театре электриком. Леня — так звали этого молодого человека — успешно закончил обучение в аэроклубе и имел «опыт» нескольких часов самостоятельного полета. Он был твердо убежден, что на передовой его ждет боевая машина. В военкомате парню, однако, отказали в отправке на фронт: ему исполнилось тогда только 16 лет. На письмо, посланное К. Е. Ворошилову, пришел такой же ответ. Тогда Леня вспомнил о метрике своего брата, который был на три года его старше и умер в младенческом возрасте. Его также звали Леонидом. Таким образом, в сохранившейся метрике совпадали имя, отчество и фамилия, а 1922-й год рождения устранял все препятствия. По метрике

брата Леня добился отправки на фронт, правда, не в авиацию, а в пехоту. Через некоторое время он погиб под Днепропетровском.

Осенью 1943 г. наш театр вернулся в Москву. Вскоре я случайно встретился с художественным руководителем Русского драматического театра БССР Д. А. Орловым. Он был занят восстановлением театра на освобожденной территории Белоруссии. Я охотно принял его предложение, и мы выехали в Могилев.

Шла война. За Днепром гремели орудия, а мы в прекрасном здании театра (его построили еще тогда, когда в Могилеве во время первой мировой войны располагалась ставка главнокомандующего — царя Николая II) играли Чехова, Шекспира... Мы были счастливы играть для людей, уставших от войны.

В репертуаре, кроме классики, имелся спектакль на современную тему «Встреча в темноте». В нем мне пришлось играть омерзительного полицая. Прекрасно написанная пьеса давала большие возможности для игры, и я с великой радостью выслушивал из зала весьма нелестные реплики в свой адрес. Когда после окончания спектакля я выходил со всеми участниками на общий поклон, из публики кричали: «А ты убирайся! Мы не тебе хлопаем!» Эти слова я относил не столько к оценке моего профессионализма, сколько к ненависти зрителей к таким персонажам, как показанный мною полицай.

Давали мы и небольшие концерты непосредственно в воинских частях. Кое-кто из нас руководил солдатской самодеятельностью. Мы чувствовали, что наше искусство необходимо людям. Они испытывали огромные физические и моральные нагрузки и нуждались в разрядке, тянулись к радостям мирной жизни. Многие офицеры стали нашими друзьями. В дружеских беседах они рассказывали о перипетиях войны, но усталость от жизни среди постоянных опасностей влекла их к другим сюжетам. Я запомнил одного симпатичного майора, который до войны был учителем ботаники в школе. Он мечтал о том, как после окончания войны вернется в класс и будет рассказывать детям о цветах.

Могилев лежал в руинах. Досталось ему от фашистов, да и наши не жалели снарядов, чтобы изгнать из города непрощенных гостей. На многих разрушенных домах висели таблички: «Не входить! Не разминировано!». Отапливать дома было нечем, кое-кто пренебрег предупреждением и поплатился за это жизнью.

Помню, как-то поздно вечером я столкнулся на улице с выходящим из развалин дома мальчиком лет 12—14. Он прятал под полую пальто небольшую доску. Должно быть, приняв меня за какое-то официальное лицо, паренек испуганно, словно оправдываясь, пролепетал: «Вот... Спер... Она обгорела немного». Я подумал: «Как же необходимо ему тепло в доме! Быть может, там лежит больная мать, которая, рискуя жизнью сына, все же послала его принести что-нибудь для растопки».

Мы стали свидетелями ужасов недавней оккупации Могилева. Однажды я попал в спортивный зал разрушенной школы. Его стены были исписаны людьми, которых фашисты ловили на улицах и отправляли в Германию. Эти надписи — прощание с родиной, с близкими. Одну запись я помню почти дословно: «Дорогие друзья, меня схватили на рынке. Я хотел поменять мамино платье на продукты. Мама лежит больная и не знает, что произошло со мной. Сходите к ней (далее следовал адрес) и расскажите обо мне». Неизвестная девушка просталась с подругами, со своим любимым.

Что там Шекспир! Сейчас, когда прошло столько лет, вспоминать эти надписи без слез невозможно. Помню, я долго старался уговорить оставить их как воспоминание об оккупации и не белить эти святые стены. Не знаю, чем закончилось дело, но тогда мне не удалось найти единомышленников.

По приезде в Могилев актеров поселили в доме, располагавшемся недалеко от театра. Многие оконные рамы в этом доме были забиты кусками кровельного железа. В моей комнате была застеклена только маленькая форточка. Да и то «стекло» состояло из трех кусочков. Тепла «буржуйки» хватало только на то, чтобы вскипятить чайник. За водой ходили на берег Днепра. Вечером жилища освещали с помощью коптилок. Однако мы не роптали.

В театре зрители сидели в шубах. Правда, за кулисами топили печь. Там было тепло и светло («движок» давал электричество). Поэтому незанятые в спектаклях актеры проводили свободное время за кулисами.

Постепенно восстанавливался мирный быт. То тут, то там слышались удары молотка и звуки пилы. Празднично отмечались включение радио и начало выхода газеты «За Родину». Я рад, что смог помочь воссоздать в этой газете иллюстративный отдел. Я не только давал для него свои фотографии, но и добился того, чтобы «Известия» делали цинковые пластинки для воспроизводства фотографий в нашей газете.

Одна из моих фотографических работ впоследствии оказала помощь Могилевскому областному музею краеведения. Когда немцы отступали из Могилева, переправившись через Днепр, они взорвали за собой мост. Саперный отряд Красной Армии быстро навел временный деревянный мост, и наступление не замедлилось. Мой снимок моста оказался единственным документальным свидетельством этой переправы, на его основании в музее создали панораму боевых действий.

Наш театр в скором времени должен был уехать в Гродно, и я снял «впрок» еще несколько пластинок, чтобы и после моего отъезда в газете появлялись мои фотографии. В память о пребывании нашего театра в Могилеве я передал областному музею материалы о нашем театре, фотографии и альбом с газетными вырезками, повествующими о Могилеве того времени.

Мы приехали в Гродно весной 1945 г. в ожидании больших перемен. Трудно объяснить, с какими чувствами мы ожидали радостных событий. Это было особо заметно по лицам людей. Наконец свершилось: диктор Левитан по радио оповестил страну о нашей Победе. И хотя мы были к этому готовы, все свершилось гораздо торжественнее, чем ожидалось.

Гродно в то время являлся пограничным городом, и первые машины и танки, въезжавшие в город, забрасывали цветами. Фронтовиков-победителей, казалось, задушат в объятиях. Я не в силах передать величие встречи героев.

Да! «Это праздник со слезами на глазах!» И лучше этих слов, пожалуй, не скажешь.

At a front-line theatre

Recollections of work at a theatre during the Great patriotic war, as well as of the people the author met at that time, are presented.

G. A. Argiropulo